
МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И МИР ИСЛАМА

И.В. Зайцев

ИСЛАМСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ XV–XVI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ)¹

В статье предпринята попытка рассмотреть исламскую лексику в русских переводах дипломатической переписки Московского великого княжества, а потом и царства, с близким ему исламским миром (Крымским ханством, Ногайской Ордой и Османской империей). В тюркских оригиналах и их переводах употреблялось большое количество арабских по происхождению слов и оборотов, имеющих отношение к исламу: это и айаты (а иногда и целые суры) Корана, славословия (салаваты) и слова, передающие основные понятия исламского вероучения. Автор оспаривает бытующее представление о низком уровне знаний относительно ислама в Московском государстве и приходит к выводу, что в действительности, отдельные айаты Корана были известны в Москве в русских переводах непосредственно с арабского еще в XVI в. Эти переводы были довольно точны и очень близко передавали смысл исламского откровения. Их появление на русском языке было заслугой татарских переводчиков. Хорошо знакома была в Москве и обрядовая сторона ислама: обрезание, хадж, молитвы, праздники и посты, мечеть, сейиды, хафизы и муллы — все эти неперемменные составляющие быта и веры мусульман либо не требовали перевода на русский, либо, наоборот, переводились устоявшимися для этих понятий, ясными читателю переводов русскими словами. Обо всем это недвусмысленно свидетельствует исламская лексика, употребляемая в Посольских книгах.

Ключевые слова: Коран и исламские термины в русских переводах XV–XVI веков, Посольские книги Московского государства

В дипломатической переписке Московского великого княжества, а потом и царства, с исламским миром религиозный вопрос занимал важное место. Мусульманские владетели нередко обращали внимание великих князей на различие вер и, вместе с тем, на их совместное существование на свете: «Нас, мусулманов, Бог учинил, а вас, крестьян, Бог же учинил, кои жо нас в своей вере стоим. Друзи есмь...», «Бог сотворил

¹ Статья подготовлена в рамках программы ВШЭ «Кросскультурные взаимодействия: мусульмане в России». Руководитель — О.Ю. Бессмертная.

вас хрестьяны, а нас сотворил мусулманы. И у вас в вашей земле некоторые мусулманские государи были»; «Под богом яз мусулманин, а ты хрестьянской государь»; «Мы мусулманы, а ты хрестьянин, оба нас с тобою из начала от прежних дней в дружбе и в братстве были есмя», — так в середине XVI в. писали в Москву ногайские бии (Посольские книги 2006. С. 46, 58, 69, 72). Религиозная принадлежность (закон) была, помимо прочего, важна как гарант незыблемости межгосударственных договоров. В Москве, когда хотели напомнить своим союзникам или соперникам о необходимости соблюдать взятые обязательства, ссылались на веру: «преж того роту и шерть учинив, и шертную грамоту дал еси. Вера у тебя одна» (Посольская книга 2003. С. 25–26). В текстах крымских и ногайских клятв и шертей также встречаем обычно упоминания единства Бога и твердости клятвы: «...надеи нам от Бога много, Бог у нас один, а и рота и правда одна» (Сборник РИО 1895. С. 515); «Слово у нас одно и Бог один» (Посольские книги 2006. С. 250).

Однако это сосуществование тем не менее не исключало противостояния и борьбы. В 1572 г. крымский хан Девлет-Гирей сообщал Ивану IV: «В книгах у нас так написано — для веры однолично голову свою положим» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 159 об.; Посольская книга 2016. С. 141).

Совершенно естественно, что послания в Москву из Стамбула, Крыма, Казани и Ногайской Орды, написанные изначально на тюркских языках, содержали большое количество арабских по происхождению слов и оборотов, имеющих отношение к исламу. В Москве эти послания переводились на русский язык, и именно в этих переводах, а не в тюркских оригиналах, до нас дошла подавляющая их часть. Поскольку при переводе была важна совершенная точность и соответствие русского текста изначальному, московские переводчики, почти исключительно татары по происхождению, прибегали к дословному переводу с сохранением тюркского порядка слов, иногда в ущерб смыслу. Это обстоятельство, иногда препятствующее пониманию перевода, зачастую облегчает возможность восстановления исходного текста.

К сожалению, случаи, когда мы имеем возможность сравнить перевод с оригиналом, очень редки. Иногда, специфические исламские выражения, не относившиеся, по мнению переводчиков, к сути дела, опускались. Так тобольские служилые «татаровя» Авесбай Кулмаметев и Сафар Дасаналеев и «бухаретин» Максют Алимов, которые переводили письмо Кучука б. Аблая б. Ишима б. Кучума Алексею Михайловичу 1668 г., опустили при переводе письма фразу «باقى الدعاء»², которая есть в

² Т. е. — вечная молитва (примеч. Б.Е. Рашковского).

оригинале (Трепавлов 2012. С. 210, 115). Но все же, имеющиеся примеры показывают, что такоевольное обращение с тюркским оригиналом было скорее исключением, чем правилом, и даже при отсутствии исходного текста перед нами большой простор для деятельности.

Условно можно всю исламскую лексику в дипломатической переписке разделить на:

1. перевод коранических *сур* и фрагментов текста Корана (*басмалы* и отдельных *айатов*);
2. включение в русский текст непереуведенных слов, многие из которых вошли (во многом благодаря этому) в русский язык и используются в нем до сих пор (*мечеть*, *мулла*, *хаджи* и проч.);
3. смысловой или дословный перевод отдельных слов и идиом, содержащих исламскую лексику, с арабского и тюрки на русский язык. Часть таких переводов осталась гапаксами (отчасти потому, что арабские оригиналы более не встретились в дипломатической переписке, отчасти потому что впоследствии переуведенным словам были найдены более подходящие русские соответствия).

Рассмотрим их последовательно.

1. Переводы коранических *сур* и *айатов*

Исследователи обычно относят первые попытки переводить Коран на русский к петровскому времени, впрочем, не отказывая Московской Руси в знакомстве с Кораном, пусть и косвенном. «Только случайные сведения о Коране были в исторических и полемических сочинениях, большей частью переводных. При этом, однако, арабские списки Корана были известны и на Руси: на Коране приносили клятву послы мусульманских государств, присягали служилые мусульмане (большей частью татары), которых много было на российской службе» (Круминг 1994. С. 228).

Действительно, соприкосновение Русского государства с исламским миром имело следствием возникновение ряда проблем правового характера, в частности проблему удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианином и наоборот. Поначалу государство столкнулось с этим на торговом и дипломатическом поприще: словесные заверения дипломатов мусульманских стран в XV–XVIII вв. (чаще всего они и сами были мусульманами) обязательно снабжались разработанной до мельчайших деталей церемонией клятвы или заключением так называемой *шерти* (от араб. *шарт* — «договор, соглашение»). Само это арабское слово благодаря джучидской канцелярии вошло в XV в. в русский дипломатический лексикон. «Крайне важно было, чтобы иностранные дипломаты совершали присягу “по их вере”, “по их

закону” — это давало более прочные гарантии соблюдения условий договора» (Юзефович 1988. С. 176).

С точки зрения христианского государства отношения с мусульманом регулировались принесением им клятвы («роты») с обязательным включением в ее текст указания на последствия невыполнения взятых на себя обязательств. Коран был неизменным атрибутом такой «роты» и подписания договорных обязательств (*шерти*), даже если его текст сам по себе не зачитывался: «И ты, господине, на той записи учини правду к государю нашему передо мною, положи ее на Куране», — следовало говорить Семену Мальцову в Ногайской Орде мирзе Мухаммеду, который должен был подтвердить шертную запись (1560 г.) (Посольские книги 2006. С. 309). В Москве в царском архиве специально для «дачи правды» крымским и турецким послам при русском дворе хранился экземпляр Корана (Государственный Архив 1978. С. 506). «Крымской Ислам-Гирей царь и калга и нурадын дали, на куране шерть учинили...», — писалось в наказе посланных в 1646 г. в Индию к Джехан-шаху Н. Сыроежину и В. Тушканову (Русско-индийские отношения 1958. С. 56). Сам оборот, обозначающий совершение клятвы на Коране, на тюрки звучал дословно так: *قرآن اوستنده أنت ایچم* («пить клятву на Коране») или же *كلام قدیمن أنت ایچمك* («пить клятву на Древнем Писании». — т. е. Коране). Так, например, это указано в письме в Москву хана Джанибек-Гирея Джумада I 1038 / конец декабря 1628 — начало января 1629 г. (Материалы 1864. С. 38, 35).

Коран занимал важнейшее место в русском дипломатическом протоколе принесения клятвы (Зайцев 2008. С. 3–9). Мусульманин, естественно, не мог целовать крест, следовательно, для удостоверения действительности обязательств в текст клятвы обязательно вносилось «запрещение». Крымские послы, например, в начале XVI в. при совершении клятвы говорили: «Я Тювикель Влан присягаю, Господара моего Цара Менъди-Кгиревою душею, на вышнего Бога и на тот светый Куран... И естли несправедливе, бо Вышний забий на душе и на теле» (Сборник князя Оболенского 1838. С. 29–30; Юзефович 1988. С. 178; Kołodziejczyk 2011. P. 551–552). Мы вправе предположить здесь в слове «светый» (т. е. святой) перевод неизменного эпитета Корана — *ал-карим* (الكريم).

Русские записи текста клятвы не сводятся к одному раз и навсегда утвержденному, но чаще всего для него использовался аят 91 из 16 суры «Пчелы»: «Верно выполняйте договор с Аллахом, когда его заключили, и не нарушайте клятв после их закрепления: вы сделали Аллаха поручителем за вас. Поистине, Аллах знает то, что вы творите»³. В одном из

³ Коран, 16:91 (перев. И.Ю. Крачковского). «Будьте верны завету с Аллахом, если вы его дали; не нарушайте клятв после того, как вы их скрепите, ибо вы признали Аллаха своим поручителем. Воистину, Аллах ведаёт о том, что вы содеёте» (перев.

сохранившихся списков Корана из собрания РГАДА имеется вклейка с русским текстом, выполненным московской скорописью конца XVII — начала XVIII в.: «В Куране на сей статье шертовать присто(и)но, а с той статьи перевод: Глава 15 О Пчеле именуемо(й) арапскі Аджилъ Все аще по Бозе обещаестея исполняйте и ничтоже противо клятвы своея да сотворите. Убо Бога призвасте во свидетельство своего обещания, вестъ бо вся вами творимое» (Краткий каталог 1996. С. 22). Текст соответствующего *айата* в рукописи выписан золотом. Е.А. Резван считает эту запись первым дошедшим до нас русским переводом фрагмента коранического текста, который, скорее всего, делался с тюркского подстрочника (Резван 2001. С. 386–388; 2005. С. 18)⁴. Как мы увидим ниже, это не совсем так (есть более ранние примеры прямого перевода с арабского)⁵.

Прямых ссылок на Откровение немного, но иногда они встречаются в ногайских посланиях в Москву⁶. Так, князь Юсуф пишет в Москву в 1551 г.: «Сесь свет прелестно: один придет, а другой отоидет; наши книжники так говорят, что от смерти никто не избудет, у нас в Куране написано. И у вас в Еванъилье книжники ваши то видят, что есть на сем свете животново, то все — смертно» (Посольские книги 2006. С. 45). В этой фразе можно видеть прямой перевод *айата* كُلُّ نَفْسٍ ذَائِقَةُ الْمَوْتِ, который встречается в Коране неоднократно (Коран 3:185; 21:35; 29:57) и который стал весьма распространенным выражением, часто употреблявшимся в надгробных надписях. «Всякая душа вкусит смерть... А жизнь в этом мире — всего лишь обманчивое наслаждение» (Коран 3:185) — وَمَا الْحَيَاةُ الدُّنْيَا إِلَّا مَتَاعُ الْغُرُورِ .

Можно достаточно уверенно говорить о смысловом переводе *басмалы* на русский язык. В 1519 г. крымский вельможа Аппак привез в Москву шертную грамоту хана Мухаммед-Гирея. «А се запись с шертной грамоты, что привез Аппак князь, а болшая грамота писана арапским золотом: Бог богатый. Почали есмя Божиим именем, Бога дающего пищу, Бога очищающего грехи. Онсица некто иже куран изусты

М.-Н.О. Османова). Далее русские переводы коранических цитат даются по Э. Кулиеву.

⁴ См. также: Круминг 1994. С. 228.

⁵ В этой статье я не касаюсь русских текстов XVI в. из Литовской метрики, современных рассматриваемым переводам. В них также есть прямые переводы *басмалы* и *шахады*. См., например: Kołodziejczyk 2011. P. 613.

⁶ На мусульманские книги ссылались османские падишахи в переписке с ногаями. Так, московский посол в Ногайской Орде Петр Тургенев передавал содержание турецкого письма к мирзе Исмаилу: «А сказывают, государь, с тем прислал: в наших деи в бусурманских книгах пишетьца, что те лета пришли, что русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока...» (Посольские книги 2006. С. 57).

неудобства не сотвори, несправедливость не сотвори, неудобства несотворивый в мире суть и от Бога во многая благая попушени суть, Василей суть и Алею Магмедю превознесеный.» (Сборник РИО 1895. С. 658). Я полагаю, что выделенный отрывок является переводом части 135 айата суры «Женщины»:

فَلَا تَتَّبِعُوا الْهَوَىَٰ أَنْ تَعْلَمُوا وَإِنْ تُلُونَا أَوْ تُعْرَضُوا فَإِنَّ اللَّهَ كَانَ بِمَا تَعْمَلُونَ خَبِيرًا

«Не потакайте желаниям, чтобы не отступить от справедливости. Если же вы скривите или уклонитесь, то ведь Аллах ведаёт о том, что вы совершаете» (перев. Э. Кулиева).

В посланиях и шертных грамотах Саадет-Гирея и Сахиб-Гирея (1524 и 1531 гг.) встречаются такие же обороты: «Бог богатый вся во всех исполняи. Почали есмя Божиим именем, Бога дающего пищу, Бога очищающего грехи» или «Почали есмя Божиим именем, Бога дающу пищу, Бога очищающего грехи» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 86 об. 279). В этих русских переводах можно видеть перевод *басмалы* (بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ) и первого *айята* первой *суры* Корана (الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ).

Выражение «Бог богатый» встречается нами и в начале русского текста грамоты ногайского мирзы Уруса (1560 г.) (Посольские книги 2006. С. 327). Без сомнения, это дословный перевод богословского оборота *هو الغنى*, где одно из 99 имен Аллаха было переведено дословно. Именно такой зачин мы встречаем, например, в письме ширинского бека Эми-нека османскому падишаху 1476 г. (Kurat 1940. С. 102).

Стоит отметить, что в заголовках посланий, которые писались в Москве на тюрки и были предназначены для отправки в исламские земли, приказные деятели старательно избегали употребления *басмалы*, как неперемногого признака ислама. Например, российские *тугры* XVII столетия включали богословскую формулу на арабском языке, но не *басмалу*, а *بعنايت رب العالمين* («Милостью Владыки миров») (Фаиз 2002).

Встречаются в русских переводах и молитвенные формулы, основанные на кораническом тексте: «В Божьем бы заступлении нам быти, дай Боже, сотворитель Вселенную. Аминь»; «Мы в своем величестве здоровы, а и ты бы в своем величестве здоров был, дай Боже. Аминь» (Посольские книги 2006. С. 85, 86).

В первом случае⁷ мы очевидно имеем перед собой изложение темы 44 айата из суры «Толпы»: *قُلْ لِلَّهِ الشَّفَاعَةُ جَمِيعًا لَهُ مُلْكُ السَّمَاوَاتِ وَالْأَرْضِ ثُمَّ إِلَيْهِ تُرْجَعُونَ*

⁷ Текст публикации следует исправить: «В Божьем бы заступлении нам быти, да и Бог же, сотворитель Вселенную» (РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с Ногайской Ордой). Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 102 об.).

«Скажи: «Аллаху принадлежит заступничество целиком. Ему принадлежит власть над небесами и землей...» (Коран 39:44; перев. Э. Кулиева).

Мне уже приходилось писать о возможном кораническом источнике одного из оборотов русского перевода казанского дипломатического послания 1549 г. (Зайцев 2004. С. 163–164). Действительно, фраза «... или паки те врази наши на войне нас победят, и мы тем раю достойни были, с такою надежею жили есмь истинного бога судьбами» является близким отголоском части айата 195 суры 3 («Семейство Имрана»):

فَالَّذِينَ هَاجَرُوا وَأُخْرِجُوا مِنْ دِيَارِهِمْ وَأُوذُوا فِي سَبِيلِي وَقَاتَلُوا وَقُتِلُوا لَأُكَفِّرَنَّ عَنْهُمْ سَيِّئَاتِهِمْ
وَلَأُدْخِلَنَّهُمْ جَنَّاتٍ تَجْرِي مِنْ تَحْتِهَا الْأَنْهَارُ

(«А тем, которые переселились или были изгнаны из своих жилищ, были подвергнуты мучениям на Моем пути, сражались и были убиты, Я непременно прощу их злодеяния и введу их в Райские сады, в которых текут реки») (перев. Э. Кулиева).

Первый дошедший до нас несомненный перевод коранического *айата* на русский язык — грамота Селима II Ивану IV 979 г. х., которую привез вернувшийся из Турции в Москву Андрей Иванович Кузминский в декабре 1572 г.: «Государь, един Бог, ни от кого родился, ни от него не родился никто, и товарища ему нет, никто на него не походит» (РГАДА. Ф. 89. Кн. 2, Л. 224–227). Это ничто иное как довольно точный перевод 112 суры Корана (الإخلاص или التوحيد):

قُلْ هُوَ اللَّهُ أَحَدٌ اللَّهُ الصَّمَدُ لَمْ يَلِدْ وَلَمْ يُولَدْ وَلَمْ يَكُنْ لَهُ كُفُوًا أَحَدٌ

Коранический источник некоторых выражений можно лишь предполагать. Грамота Сахиб-Гирея от мая 943 г. х. («писана в Кыркоре») гласила: «...и ныне праведнаго Бога поспешеством и величества его благодтию Ислам холопом и братом младшим мне собо (sic!) назвал» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 8 (1533–1539). Л. 345).

2. Непереводимые термины (мечеть, хаджи, Мекка — «Магметев гроб», мулла, сейид, хафиз и т. д.)

Д.А. Морозов посвятил специальное исследование истории освоения слова مسجد (мечеть) в русском языке. Оно встречается в русских памятниках (в первую очередь, в «хожениях») уже с XIV в. в форме *мезгить* как египетский диалектизм и свидетельство ранних контактов с Палестиной (Морозов 2014. С. 9–14). В посольских книгах мы встречаем уже его нормативную форму, близкую к сегодняшней.

Слово *хаджи* традиционно не переводилось, а давалось как *ази* (*азей*), что говорит о татарском фонетическом посредстве при его передаче. Это касалось и личных имен «Ази-Гирей» — Хаджи-Гирей.

Ямгурчи — брат крымского хана Менгли-Гирея, некоторое время бывший его калгой, несколько раз писал о своем намерении совершить главный в жизни мусульманина обряд — отправиться к святым местам ислама. В 1498 г. он сообщал в Москву великому князю Ивану III: «Яз сам даст Бог к Мяке хочю ийти мысль есть... Слыхал еси, люди твои ежживали к Мякке, белый кречат да шуба рысья велми тамо дорого стоит» (Сборник РИО 1884. С. 274). После совершенного в 1502 г. *хаджа* Ямгурчи стал в русских источниках (переводах с татарского) называться «Ази-царевич» (Сборник РИО 1884. С. 421; Сыроечковский 1940. С. 18), т. е. хаджи-султан.

Любопытно, однако, что сам термин *хадж* (который наверняка имелся в текстах на тюрки), кажется, не употреблялся в переводах: он всегда дается описательно как желание «идти (или ехать) к Мекке». Например, когда ездила в паломничество знаменитая Нур-Салтан (дочь мангитского бека Темира б. Дин-суфи и жена казанского хана Ибрагима, а потом крымского Менгли-Гирея), она в 1495 г. он писала Ивану III: «мысль наша была ити к Меке; и мы на ту дорогу пошли, где мы ни будем» (Сборник РИО 1884. С. 222). После совершения *хаджа* и Нур-салтан в 1497 г. также стала подписываться как «Ази царица» — т. е. *хаджи* (Сборник РИО 1884. С. 237). В 1498 г. она послала Ивану III иноходца, на котором ездила в Мекку: «Сухой бы поклон не был, молвя, к Мякке на котором иноходце сама ездила, с Ахчюрою к тебе послала» (Сборник РИО 1884. С. 272). Между прочим, эта царица хлопотала и за членов своей семьи, своих родных-мусульманах, живших в Москве. В 1498 г. она просила Ивана III отпустить в *хадж* Девлет-султану (жену Айдар-Хайдара б. Хаджи-Гирея): «сам гораздо знаешь, Айдар Газы моего сына кормил; его жена Довлет салтан моим детям сиську давала, и ныне к Мякке ехати обрелася; жаловавши к нам пришлешь, и мы человека прикошевав к Мяке пошлем, и молитва ее и молба с тобою будет...» (Сборник РИО 1884. С. 273). Из этого текста видно, что *хадж* мог совершаться по обету. В августе 1515 г. вступивший не задолго до того на Крымский престол Мухаммед-Гирей писал в Москву, прося отпустить сына Нурсултан 'Абд ал-Латифа вместе с ней в Мекку: «и мы б его к Меке отпустили, а он бы с матерью шел, да там им у Меки и жыти» (Веселовский 1889. С. 185).

Совершали *хадж* и приближенные ханов. В памяти боярину И.А. Лобану-Колычеву, отправленному в Крым в марте 1492 г., предписывалось говорить ширинскому мирзе Девлетку б. Эминьку: «Да писал еси к нам в своей грамоте, что хочешь ити к Мекке, и нам бы к тебе что послати, и мы к тебе послали. Да поминки явити по списку» (Сборник РИО 1884. С. 144). В январе 1493 г. в Москве была получена грамота

самого Девлетека, в которой он писал: «аж даст Бог самому ми к Мяке ийти, надею држу, нынеча которой твой посол к нам придет, что пожалуеш пришьлеш, ты ведаешь» (Сборник РИО 1884. С. 179).

«Моллы», сейиды, «афызы» и шейхи.

Мулла (ملا) — «молла» или «молна» (под влиянием тюркской фонетики). «А прежних князей болших молл посолства принимал еси», — обращался к Ивану IV ногайский бий Юсуф (Посольские книги 2006. С. 73). Религиозные деятели (муллы — «богомольцы») часто становились доверенными лицами ханов, выполнявшими дипломатические и торговые поручения. Например, у Менгли-Гирея был доверенный человек «богомolec» мулла Бахауддин («молна Багавадын»), выполнявший поручения хана в Москве и других странах (Менгли-Гирей, например, посылал его в Египет) (Сборник РИО 1884. С. 107).

Приведу пример, в котором встречаются оба термина — и *хаджи*, и мулла. Побывав в Мекке, крымские вельможи обычно облекались в чалму (зеленую) — знак *хаджи*. Один из крымских послов в Москву — Аппак перед отъездом, когда его «учал царь к великому князю отпущати», «положил на себя чалму». Как предполагает А.Л. Хорошкевич, чалму он надел специально, чтобы не исполнять в Москве обязательного для послов обряда снятия головного убора (Хорошкевич 2001. С. 205). Уже в Москве на подворье (в мае 1519 г.), где остановились дипломаты, к Аппаку с государевым «жалованьем» (угощением и шубой) приехал И.Ф. Палецкий. Ему было велено не снимать перед крымцами колпак, т. к. Аппак не собирался снимать чалму. Когда Палецкий стал на «коленки» и стал говорить приветственную речь, Аппак его упрекнул: «Князь Иван, речь государскую говоришь, а колпака с себя не соимешь». Палецкий ему возразил, сказав, что предшествующие послы «против государского жалования колпаки снимали, а про тебя слышим, что еси княжего роду, а **не азейского, ни молнин**, и того есмя не слышали, чтоб еси у **Магметева гроба** бывал, а ныне против государьского жалования чалмы не соимешь». Очевидно, что в Москве прекрасно представляли, что чалму мог носить либо *хаджи*, либо мулла. Посол же, по данным московских дипломатов, не был никем из них. Аппак тем не менее упорствовал: «чалмы не соиму», т. к. якобы одел он ее по распоряжению хана (Мухаммеда-Гирея), который обещал отправить его в Мекку по возвращении из Москвы⁸. Возможно, что в данном случае мы имеем дело с так наз. «бадлем», т. е. «заменой», когда не имеющий

⁸ Второй член посольства Ахмет-паша, встав на колени, обнажил голову, «а князь Иван ему речь говорил от великого князя, также став на колених, да колпак с себя снял».

физической возможности совершить хадж оправлял место себя другого человека, при этом имел все регалии хаджи. Как показывают документы, сам Аппак действительно к Мекке до того момента не ездил.

Аппак, видимо, понимая неудобство ситуации, потом бил челом казначеям Ю. Траханиоту и П. Головину, чтобы «государь пожаловал, не подержал на меня себе мнения никоторого, что яз в чалме еду». Головин по распоряжению великого князя успокоил его: «еси нам о том не бил челом, и мы себе на мысли были о том подержали, что еси у Мяки не бывал, ни роду еси не **азейского, ни молнина**, а ныне еси положил на себя челму. А коли... на тебя брат наш челму положил, ино то на твоей воле». Аппак на приеме у великого князя все-таки стал на колени, и, видимо, снял чалму (Сборник РИО 1895. С. 630 и сл.). Из этого отрывка, между прочим, видно, что крымские вельможи для совершения *хаджа* часто обращались за финансовой помощью в Москву.

Для совершения *хаджа* хан выдавал вельможам специальные проезжие ярлыки. В 1573 г. крымский бек Сулемша (Сулейман-шах) писал московскому великому князю: «И ож даст Бог, хочю ити к Мекке, и на дорогу харчю нет, и волной человек, царь, невеликим харчом пожаловал, и того на путь харчю не станет. У тебя, государя, запрос учиня, послал есми, чтоб еси пожаловал, — пятсот рублей дал, — старого твоего холопа последнее челобитье» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 50 об.). Вскоре это желание осуществилось. Сохранился список охранного ярлыка на паломничество в Мекку, выданного беку ханом Девлет-Гиреем 9 раби II 981 г. х. / 8 августа 1573 г. Сулейман-шаху.

Сеид (سيد) чаще всего передавалось близким по звучанию *сеить*, *сиит*, *сеид*. Сейиды при ханских дворах занимали весьма высокое место. Например, в июне 1486 г. Иван III посылал «Кирей-Сииту, цтю цареву», т. е. сейиду по имени Гирей, золотой. Такая же сумма была послана ему и в августе (Сборник РИО 1884. С. 54, 56–57)⁹. Употребляется в посольской лексике и слово *шейх* (в форме *ших* — чаще — в составе личных имен): «Абдылхайршихзадин сын Аввельшихзода» — посол Саадет-Гирей в Москву (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 341 об.)¹⁰.

Хафиз (حافظ — «хранитель», т. е. «знающий Коран наизусть») под влиянием татарской фонетики записывалось как *афыз*, или *абыз*. В январе 1493 г. в Москву прибыли грамоты Менгли-Гирея, в одной из которых он писал: «Что сесь ярлык повез к тебе Абдыла Афыз наш пошлой

⁹ История этого звания в татарских государствах подробно исследована Д.М. Исхаковым (2011).

¹⁰ Подозреваю, что это аталык хана. В конце XVI в. ясевийские шейхи назначаются аталыками ханских отпрысков.

богомалец стоит, что к нам должен идти ему к Мяке, два кречета ему надобе; того деля кречета купити на Москву поехал нас деля» (Сборник РИО 1884. С. 174). Между прочим, здесь видим, что если хафиз осталось непереведенным (как часть имени), то слово «богомалец» — دعاجی переводчик решил передать по-русски.

Кафир (كافر — «неверный»):

Мне встретилось однажды в русском переводе письма бухарского хана Абдуллы сибирскому хану Кучуму (сер. 90-х гг. XVI в.). Абдулла обращается к Кучуму с увещеваниями по поводу напряженности в его отношениях с ногаями: «Слышали есмь, что вы взяли землю Авлия мирзину... А годное было то, чтоб вам, помиряся, да у кафырей землю свою поимати. А толко по тому не станете делать, и кафыри вас осилеют и обезчествуют...» (Трепавлов 2012. С. 45). Тут под «кафырями» имеются в виду, конечно, сами русские.

Курбан-байрам (قربان بيرام — «праздник жертвоприношения»). Упоминается в Посольских книгах в форме *курман*, что опять же свидетельствует о крымско-тагарском посредстве при передаче слова (регулярный переход *-б-* в *-м-*). «А того же декабря месяца в девятый день наш праздник **курман** будет...», — писал великому князю Василию крымский князь Аппак в конце 1518 г. (Сборник РИО 1895. С. 612).

3. Перевод отдельных слов или идиом, содержащих исламскую лексику. Как правило, осуществлялся смысловой перевод. С калькированием встречаемся редко.

«**Обрезание**» (سنة или ختان). Слово встречается в книгах неоднократно. Его переводили. Например: «Девлет-Киреево цареву слово. Брату нашему, великому князю Ивану Васильевичу, после поклона с любовью слово наше то. Ныне у меня, брата твоего, дочери и две, и три на выданье, да у меня ж сыном моим царевичам двема и трема **обрезанью** (выделено мною. — *И. З.*) их радость будет для того, что нам рухледь и товар понадобился, и мы тое рухледи купити у тебя, у брата своего, просим дву тысяч рублей, и ты б учинил дружбу, не отнегываючися, холопу нашему Ян-Магметю дал бы еси» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 43–43 об.; Посольская книга 2016. С. 86).

Гази (غازی) и «**Абу-ль-Фатх** (ابو الفتح)». В тех случаях, когда слово «Гази» (собственно, «воин за веру») входило в состав личных имен, его, естественно, не переводили (имя غازى كراى в XVI–XVII вв. носили два крымских хана, в русских документах называвшиеся «Казы-Гирей»). Но в титулах мы неоднократно встречаем перевод этого слова на русский в таких оборотах:

Грамота Ислам-Гирея: «Великие Орды великого царя победителя и силы находца Ислам-Гиреево цареве слово» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 33 об.).

Грамота Мехмед-Гирея: «Силы находца и победителя Маагмет-Киреево царевичово слово. Брату нашему, великому князю Ивану Васильевичу от, много много поклон» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 45–45 об.; Посольская книга 2016. С. 87).

Грамота Ислам-Гирея: «Силы находца и победителя Ислам Гиреево цареве слово» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 318–318 об.; Посольская книга 2016. С. 234).

Все три примера (в текстах книг их гораздо больше) являются смысловым переводом оборота ابو الفتح وغازى. В таком виде в крымской канцелярии он появился со времени правления Сахиб-Гирея, который ввел его в текст ярлыков еще в период своего казанского правления, а затем постоянно употреблялся, например, при Девлет-Гирее в туграх¹¹. Любопытно, что у хана Гази-Гирея, который также употреблял этот титул в своей тугре, слово *gazi* в ней повторялось дважды подряд: один раз как часть титула, а второй — как часть личного имени (Материалы 1864. С. 13).

Стоит также отметить, что Саадет-Гирей видимо первый ввел оборот ابو الغازی («Абу-л-Гази») в свой титул, и московские переводчики поначалу не стали переводить его, а давали только русскую транслитерацию: «Великой орды великий царь Абулказы Саадет Керей хан...» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 269 об., 270).

Иншалла (انشاءالله تعالى)¹² и **тахмид (хамдаля)** — الحمدالله. Скорее всего, переводились нейтрально: «Дай Бог». Приведем примеры.

«Мы здесь поздорову, слава Богу. А и ты бы на многие лета здоров был, дай Боже», — пишет в Москву ногайский князь Исмаил (Посольские книги 2006. С. 45).

Грамота Ислам-Гирея: «Слава Богу, от оца (так!) нашего которые остались добрые люди, ныне у нас в руках...»; «И дай Боже в малых днех на борзее к нам бы еси его отпустил»; «Дай Боже, брат мой Бейбей-солтан отголе вышел. Так бы еси ведал» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 34–35 об.).

Саадет-Гирей в письме в Москву так писал о своем отце Менгли-Гирее: «Великие Орды великой царь покойник отец наш божьим светом осияно место то, где лежит» (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6).

¹¹ Об этой формуле см.: Усманов 1979. С. 189.

¹² Примеры слишком многочисленны. См., например: Материалы 1864. С. 36, 37.

Л. 204 об.). В этой фразе нужно видеть перевод расхожей арабской фразы «Да озарит Господь его гробницу!» (نور الله قبره). Здесь мы видим, возможно, следы переводческого непрофессионализма: смысл фразы он понял, но принял глагол *наввара* («да озарит!»), который, вероятно, был написан без огласовок, за однокоренное существительное *нур* (свет), отчего и перевел фразу не совсем точно.

Некоторые члены правящей крымской династии жили в христианских землях (Москва, Литве). Это могло вызывать критику со стороны радикально настроенных родственников-чингизидов, которая, правда, была все же более выражением политических притязаний, нежели религиозной ревностью. Так, Муртаза б. Ахмед писал в Москву брату Менли-Гирея Нурдевлеу, уговаривая его помирится и обвиняя Менли-Гирея во вражде (Муртаза надеялся посадить на крымский престол Нурдевлеу вместо Менгли). Письмо полно религиозной риторики: «Милосердой государь, ты на сем свете вере еси нашей подпора, бессерменем и бессерменьству нашему помочь; ты еси и закону наказатель, милосердого Бога милостью истинной еси прямой господарь. Ино, брате Нурдовлат царь, велика бы и счастна была твоя держава до второго пришествия, Магаметевы доля молитвы и учеников его... Про твое величество, своего брата, что ты живешь промеж неверных, непригож ся видит так... Нечто из тое из поганые земли избыти захочешь мысль твоя будет...» (Сборник РИО 1884. С. 69). Этот оборот «Магаметевой доля молитвы и учеников его» явно отсылает нас к салавату:

الصلاة والسلام على سيدنا محمد وعلى آله وصحبه أجمعين

(ас-саяту ва-с-саяму ‘аля сайидина (или расулина) Мухаммад ва-‘аля алихи ва-сахбихи аджда‘ин!) «Мир и благословения господину нашему (или пророку нашему) Мухаммаду, его семье и всем сподвижникам!». Похожие салаваты употреблялись в письмах крымских ханов и султанов (Материалы 1864. С. 122, 195, 200, 224 и др.).

«Господь Бог бы его в раю доспел», — так перевели в Москве начальные слова грамоты ногайского мирзы Мусы, написанные в 1491 г. о Едигее (Сборник РИО 1884. С. 128). Это, вероятно, часть заупокойной молитвы, восходящей к хадису Муслима: *اللَّهُمَّ اغْفِرْ لَهُ، وَارْحَمْهُ، وَعَافِهِ، وَسِعْ مُدْخَلُهُ، وَاعْسِلْهُ بِالْمَاءِ وَالنَّالِجِ وَالْبُرْدِ، وَتَقِّهِ مِنَ الْخَطَايَا كَمَا تَقْتَبِتُ النَّوْبَ الْأَبْيَضَ مِنَ الدَّنَسِ، وَأَبْدِلْهُ دَارًا خَيْرًا مِنْ دَارِهِ، وَأَهْلًا خَيْرًا مِنْ أَهْلِهِ، وَأَدْخُلْهُ الْجَنَّةَ، وَقِهِ فِتْنَةَ الْقَبْرِ وَعَذَابَ النَّارِ*

«О Аллах, прости его, и помилуй его, и избавь его, и окажи ему милость, и окажи ему хороший прием, и сделай место его входа просторным, и омой его водой, снегом и градом, и очисти его от прегрешений подобно тому, как очистил Ты от грязи белую одежду, и дай ему взамен

дом лучше его дома, и семью лучше его семьи и жену лучше его жены, и введи его в рай и защити его от мук могилы и от мук огня!»¹³.

«**Великого Бога силою и Магометевым чудотворием**». Это выражение встречается в переводах крымских посланий в Москву (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 8 — послание Саадет-Гирея 1523 г.) и является очень точным переводом арабского словосочетания بالقوة الاحديه والمعجزة المحمديه (*билькувети-ль-ахадийе ве-муджизати-ль-мухаммадийе*). Оно встречается нам, например, в ярлыке Хаджи-Гирея 1453 г. (Kurat 1940. С. 64–65) и письме хана Махмуда Мехмуду Фатиху 1466 г. (Ibidem. С. 38). Употреблялся он в посланиях крымских ханов (например, в «Шарт-наме» Мехмед-Гирея октября 1520 г., или «Ахд-наме» Гази-Гирея 1592 г.) (Материалы 1864. С. 2, 9). Несколько в другой, тюркизированной форме видим этот оборот и в зачине письма Улуг-Мухаммеда Мураду II (1428 г.): حق تعالى عنایتیلا محمد پیغامبر معجزاتیلا (Kurat 1940. С. 8).

* * *

Подведем итоги. Признанные авторитеты в области истории ислама в России сходились в неутешительном мнении, что уровень знаний об этой религии был в Московской Руси довольно низок. Принято считать, например, что текст Корана был практически неизвестен. Так, например, академик А.Е. Крымский писал: «... как ни странно, но Россия, несмотря на то что исстари имела мусульманских подданных, всегда отличалась невежеством насчет их истории, религии и т. д.» (Крымский 2003. С. 157). А видный теоретик-исламовед М.А. Батунский свои наблюдения суммировал следующим образом: «Словом, в Московской Руси складывалась такая ситуация: знали мусульман, но не знали их религии, поскольку были твердо убеждены в том, что они, эти мусульмане, либо перейдут в христианство, либо перестанут быть политической, а значит, и духовной опасностью» (Батунский 2003. С. 152).

Все это так. Но, мне кажется, что ближе к истине подошел другой наш корифей-арабист. «Исламоведные сведения, накопившиеся в Московской Руси, сами по себе были довольно значительны, но отличались большой разрозненностью и случайностью...», — так отзывался об уровне знаний об исламе на Руси академик И.Ю. Крачковский (Крачковский 1950. С. 30). Из предложенных примеров мы видим, что

¹³ URL: <https://isnad.link/book/sady-pravednyh/kniga-o-poseshenii-bolnogo-a-takzhe-o-provodah-pokojnogo-molitve-po-nemu/glava-157-o-tom-chto-sleduet-chitat-vo-vremya-zaupokojnoj-molitvy/935-o-allah-prosti-ego-i-pomiluj-ego-i-izbav-ego-i-okazhi-emu-milost-i-okazhi-emu-horoshij-priyom> (последнее обращение: 31.07.2020).

в действительности отдельные айаты, а то и целые суры Корана были известны в Москве в русских переводах непосредственно с арабского еще в XVI в. Эти переводы были довольно точны и очень близко передавали смысл исламского откровения. Их появление на русском языке было заслугой татарских переводчиков. Особенности тюркских текстов, в которых были употреблены эти коранизмы, салаваты, исламские благопожелания и прочее, а потом и русских переводов, безусловно, не способствовали их глубокому культурному усвоению. Более того, они не привели в Москве к попыткам перевести Коран целиком на русский язык, хотя бы с целью его опровержения. Тем меньше было возможностей (и видимо, желания) для философского или богословского осмысления ислама. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что московские приказные деятели придавали этому мало значения (да это была и не их задача). Вместе с тем, мы также вряд ли допустим ошибку, если скажем, что обрядовая сторона ислама была в Москве хорошо знакома: обрезание, хадж, молитвы, праздники и посты, мечеть, сейиды, хафизы и муллы — все эти неприменные составляющие быта и веры мусульман либо не требовали перевода на русский, либо, наоборот, переводились устоявшимися для этих понятий русскими словами, ясными читателю переводов. Обо всем это недвусмысленно свидетельствует исламская лексика, употребляемая в переводах, и выглядит она в посольских книгах не инородно, но как само собой разумеющееся. Мы видим, что основным источником сведений об исламе и Коране были не переводы с греческого, латинского и польского антимусульманских религиозно-философских трактатов и исторических трудов, где содержались крайне искаженные сведения о Коране и Пророке Мухаммаде. Мы видим, что и мусульман знали неплохо, и Коран был известен. Источником этого знания было живое общение с исламским миром.

Почему же в таком случае эти обширные и глубокие сведения не превратились в нечто большее и не были, например, осмыслены теоретически и изложены для дальнейшей передачи? В чем причина этого «немногого» знания? Ответ на этот вопрос выходит за рамки статьи.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ / ARCHIVE MATERIALS

РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. Кн. 2. [Rossijskij gosudarstvennyj Arhiv drevnih aktov. F. 89 (Snosheniya Rossii s Turtsiyey (Relationships between Russia and Turkey)). Invent. 1. book 2.]

- РГАДА. Ф. 123 (Сношения России с Крымом). Оп. 1. Ед. хр. 6, 8, 14. [Rossijskij gosudarstvennyj Arhiv drevnih aktov. F. 123 (Snosheniya Rossii s Krymom (Relationships between Russia and the Crimea). Invent. 1. № 6, 8, 14.]
- РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с Ногайской Ордой). Оп. 1. Ед. хр. 4. [Rossijskij gosudarstvennyj Arhiv drevnih aktov. F. 127 (Snosheniya Rossii s Nogayskoy Ordoy (Relations between Russia and the Nogay Horde)). Invent. 1. № 4.]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Батунский М.А.* Россия и Ислам. М., 2003. Т. I. [*Batunskiy M.A.* Rossiya i Islam (Russia and Islam). Moscow, 2003. T. I.]
- Веселовский Н.И.* [Рец. на:] Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887 // ЖМНП. 1889, ч. 261, январь, отд. 2. С. 168–203. [*Veselovskiy N.I.* Rets. na: Smirnov V.D. Krymskoye khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoj Porty do nachala XVIII veka. SPb., 1887 (Review of: Smirnov V.D. Crimean Khanate under Ottoman Empire before the Beginning of the 18th Century) // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1889, Ch. 261, yanvar', otd. 2. S. 168–203.]
- Государственный Архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимины. М., 1978. Ч. 3. [*Gosudarstvennyy Arkhiv Rossii XVI stoletiya. Opyt rekonstruktsii* (Russian State Archive of the 16th Century. An Attempt at Reconstruction) / Prepar. and ed. by A.A. Zimin. Moscow, 1978. T. 3.]
- Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI в.). М., 2004. [*Zaytsev I.V.* Mezhdou Moskvoy i Stambulom: Dzhuchidskiye gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nachalo XV — pervaya polovina XVI v.) (Between Moscow and Istanbul. Jochide States, Moscow and Ottoman Empire (Beginning of the 15th — 1st half of the 16th Century). Moscow, 2004.]
- Зайцев И.В.* Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX вв. // ОИ. 2008, № 4. С. 3–9. [*Zaytsev I.V.* Problema udostovereniya klyatvennykh obyazatel'stv musul'manina pered khristianskoy vlast'yu v Rossii XVI–XIX vv. (The Problem of Verifying the Oath Obligations of a Muslim to the Christian Government in Russia of the 16th–19th Centuries) // Otechestvennaya istoriya. 2008, № 4. S. 3–9.]
- Зайцев И.В.* Из истории перевода Корана на русский язык в XVI–XVII вв.: первый перевод сурь «Очищение веры» (1572 г.) // Ислам в современном мире. Т. 12, № 2. Июнь 2016. С. 81–92. [*Zaytsev I.V.* Iz istorii perevoda Korana na russkiy yazyk v XVI–XVII vv.: pervyy perevod sury «Ochishcheniye veru» (1572 g.) (From the History of the Translation of the Quran into Russian in the 16th — 17th Centuries: the First Translation of the Sura *The Purification of Faith* (1572) // Islam v sovremennom mire. 2016. T. 12, № 2. June. S. 81–92.]

Исхаков Д.М. Институт сейидов в Улусе Джучи и в позднезолотоордынских тюрко-тагарских государствах. Казань, 2011. [*Iskhakov D.M. Institut seyidov v Uluse Dzhuchi i v pozdnezolotoordynskikh tyurko-tatarskikh gosudarstvakh* (Intsititute of *Sayyids* in Jochi Ulus and Later Post Golden Horde Turk-Tatar States). Kazan, 2011.]

Краткий каталог арабских рукописей и документов Российского государственного архива древних актов / Сост. Д.А. Морозов. М., 1996. [*Kratkiy katalog arabskikh rukopisey i dokumentov Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov* (A Short Catalogue of Arabic Manuscripts and Documents of Russian State Archive of Ancient Acts) / Ed. by D.A. Morozov). Moscow, 1996.]

Крумлинг А. Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 227–239. [*Kruming A. Pervyye russkiye perevody Korana, vpolnennyye pri Petre Velikom* (The First Russian Translations of Quran in Times of Peter the Great) // *Arkhiv russkoy istorii*. Вып. 5. Moscow, 1994. S. 227–239.]

Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. [*Krachkovskiy I.Yu. Ocherki po istorii russkoy arabistiki* (Essays on the History of the Arabic Studies in Russia). Moscow; Leningrad, 1950.]

Крымский А.Е. История мусульманства. 3-е изд. М.; Жуковский, 2003. [*Krymskiy A.E. Istoriya musul'manstva* (The History of Islam). 3rd ed. Moscow; Zhukovskiy, 2003.]

Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел / Издал В.В. Вельяминов-Зернов. СПб., 1864. [*Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva, izvlechnnyye po rasporyazheniyu Imperatorskoy akademii nauk iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del* (Matériaux pour servir à l'Histoire du Khanate de Crimée) / Par V. Véliaminof-Zernof. St.-Petersburg, 1864.]

Морозов Д.А. Мезгитъ: отражение каирского диалекта в древнерусской литературе // Каптеревские чтения. М., 2014. Вып. 12. С. 9–14. [*Morozov D.A. Mezgit': otrazheniye kairskogo dialekta v drevnerusskoy literature* (Mezgit': a Reflection of Cairo Dialect in Old-Russian Literature) // *Kapterevskiy chteniya*. Vol. 12. Moscow, 2014. S. 19–14.]

Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. [*Posol'skiye knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy* (1551–1561 gg.). (*Posol'skiye knigi* on the Relationships between Russia and the Nogay Horde (1551–1561)). Kazan, 2006.]

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003. [*Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy* (1576 g.). (*Posol'skaya kniga* on the Relationships between Russia and the Nogay Horde (1576)). Moscow, 2003.]

Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. / Общ. ред. И.В. Зайцев. М., 2016. [*Posol'skaya kniga po svyazyam*

- Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1571–1577 gg. (*Posol'skaya kniga on the Relationships between Muscovy and the Crimea. 1571–1577*) / Ed. by I.V. Zaytsev. Moscow, 2016.]
- Резван Е.А. Коран и его мир. СПб., 2001. [*Rezvan E.A. Koran i ego mir (Quran and Its World)*. St.-Petersburg, 2001.]
- Резван Е.А. Казанское многоголосье: жить вместе, оставаясь разными // Светозарная Казань. Каталог выставки. Казань, 2005. [*Rezvan E.A. Kazanskoeye mnogogolosiye: zhit' vmeste, ostavayas' raznymi (Kazan Polyphony: Living Together, Staying Different)* // *Svetozarnaya Kazan'*. Katalog vystavki. Kazan, 2005.]
- Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. [*Russko-indiyskiye otnosheniya v XVII v. Sbornik dokumentov. (Russian-Indian Relations in the 17th Century)*. Moscow, 1958.]
- Сборник князя Оболенского. М., 1838. [*Sbornik knyazyu Obolenskogo (Prince Obolensky Anthology)*. Moscow, 1838.]
- Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою Ордами и с Турцией. (Сборник РИО. Т. 41). СПб., 1884. Т. I.; СПб., 1895. Т. II. [*Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Drevney Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Krymskoyu i Nogayskoyu Ordami i s Turtsiyey. (Sbornik Russkogo istoricheskogo obschestva. T. 41) (Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with Foreign Powers. Monuments of Diplomatic Relations of Muscovy with the Crimean and Nogay Hordes and with Turkey. (Collection of Russian Historical Society. T. 41). St.-Petersburg, 1884. T. I.; St.-Petersburg, 1895. T. II.)*]
- Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // УЗ МГУ. Вып. 61. История. Т. II. М., 1940. С. 3–71. [*Syroyechkovskiy V.E. Mukhammed-Geray i ego vassaly (Mehmed Giray and His Vassals)* // *Uchyonye zapiski Moskovskogo gos. universiteta. Vol. 61. Istoriya. T. II. Moscow, 1940. S. 3–71.*]
- Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. [*Trepavlov V.V. Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh (Siberian "Yurt" after Ermak. Kuchum and his Decedents in a Struggle for Revenge)*. Moscow, 2012.]
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. [*Usmanov M.A. Zhalovannyye akty Dzhuchiyeva Ulusa XIV–XVI vv. (Charters of Jochi Ulus in the 14th — 16th Centuries)*. Kazan, 1979.]
- Фаиз Сагит. Тугра и вселенная. М.; Бахчисарай, 2002. [*Faiz Sagit. Tugra i vselennaya (Tughra and Universe)*. Moscow; Bakhchisaray, 2002.]
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI в. М., 2001. [*Khoroshkevich A.L. Rus' i Krym: ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV — nachalo XVI v. (Rus' and the Crimea: from Union to Confrontation. Late 15th — early 16th Century)*. Moscow, 2001.]

Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988. [*Yuzefovich L.A. «Kak v posol'skikh obyчайakh vedetsya...»* ('As in the Customs of Ambassadors...'). Moscow, 1988.]

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th– 18th Centuries). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011.

Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve Bitikler. İstanbul, 1940.

Ilya V. Zaytsev

ISLAMIC TERMINOLOGY IN RUSSIAN TRANSLATIONS (15TH–16TH CENTURIES)

The article attempts to examine the Islamic vocabulary in Russian translations of diplomatic correspondence of the Moscow Grand Duchy with the neighbouring parts of the Islamic world (the Crimean khanate, the Noghay Horde and the Ottoman Empire). A large number of Arabic words and phrases related to Islam were used in the Turkic originals and their Russian translations: these are ayats (and sometimes complete surahs) of the Holy Quran, prayers (salavat) and words that convey the basic concepts of the Islamic faith. The author disputes the current perception of a low level of knowledge about Islam in the Moscow state and concludes that in fact, some ayats of the Quran translated directly from Arabic into Russian were known in Moscow in the 16th century. These translations were fairly accurate and conveyed the meaning of the Islamic revelation very closely. Their appearance in Russian was the merit of Tatar translators. The rites of Islam were also known very well: circumcision, Hajj, prayers, feasts and fasts, mosque, seyids, hafizes and mullahs — all these words designating obligatory components of the life and faith of Muslims did not require translation into Russian, they were understandable. Some of these terms and concepts were translated with well-established Russian words that were clear to the readers. The Islamic vocabulary used in Russian translations clearly witnesses this.

Keywords: The Holy Quran, Islamic Lexis in Russian Translations, 15th–16th centuries, Ambassadorial Books of Muscovy

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-583-601